

ЛИТЕРАТУРА

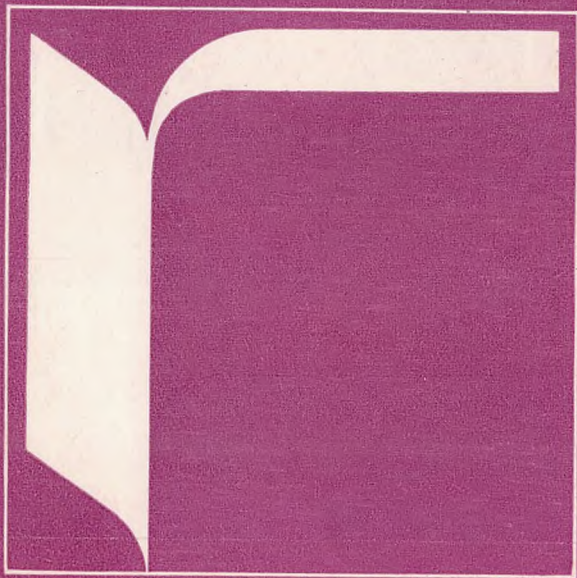
ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1989/10

Лев Шилов

АННА АХМАТОВА

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ЛИТЕРАТУРА

10/1989

Издается ежемесячно с 1967 г.

Лев Шилов

АННА АХМАТОВА

(100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Издательство «Знание» Москва 1989

ББК 83

Ш 59

Л. А. ШИЛОВ — критик, ст. научный сотрудник Государственного литературного музея.

Редактор *Н. М. КРАСНОПОЛЬСКАЯ*

Шилов Л. А.

Ш 59 Анна Ахматова (100 лет со дня рождения). — М.: Знание, 1989.— 64 с. + 8 с. вкл.— (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература»; № 10). ISBN 5-07-000274-0

15 к.

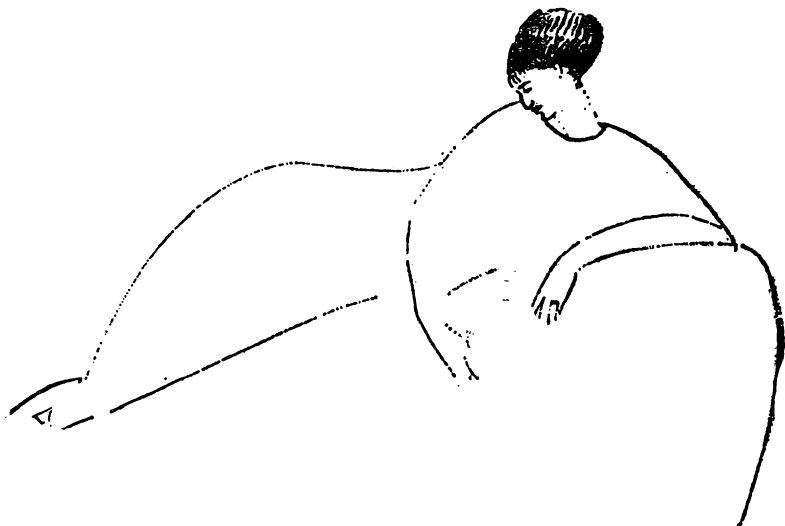
Брошюра посвящена жизненному и творческому пути Анны Ахматовой (1889—1966). Автор завершает свой рассказ о великом поэте небольшой подборкой стихов Ахматовой. Брошюра иллюстрирована совместно с Государственным литературным музеем.

4603010000

ББК 83

ISBN 5-07-000274-0

© Издательство «Знание», 1989 г.

Мало кому из современных читателей известно, что Анна Ахматова не только поэт (она не любила слово «поэтесса»), но еще и литературовед высочайшей квалификации, блестящий переводчик средневековой корейской поэзии и писем Рубенса, биограф Николая Гумилева, проникновенный толкователь Данте, знаток Шекспира и, наконец, автор интереснейших работ о Пушкине. Ее исследования в области пушкиноведения высоко ценили такие авторитетные ученые, как Б. Эйхенбаум, С. Бонди, Т. Цявловская... Известный пушкинист Б. Томашевский на одной из подаренных им А. Ахматовой книг сделал следующую надпись:

«Анне Андреевне Ахматовой — лучшему знатоку Пушкина».

И первым биографом Ахматовой была... сама Анна Ахматова. В ее автобиографии, в мемуарных набросках, которые она назвала «Листки из дневника», дана целостная концеп-

для жизненного и творческого пути. Непосредственным поводом для ряда ее автокомментариев явилось то, что в 50-е годы за границей начали появляться посвященные Ахматовой работы, некоторые из которых были неверными или, по крайней мере, тенденциозными. Желание восстановить истину, защитить свое имя и имена своих друзей от поверхностных толкователей и недобросовестных исследователей выразилось, в частности, в таких ее блестящих историко-мемуарных эссе, как «Амадео Модильяни», «Мандельштам», «Воспоминания об Александре Блоке». В ее работах чувствуется не только зоркий взгляд художника, обладающего даром удивительной наблюдательности, но им присуща и чеканная точность характеристик, сформулированных квалифицированным знатоком эпохи, опытным литературоведом.

Мемуарная проза Ахматовой, ее письма, интервью, отдельные замечания, оброненные в беседах с современниками и воспроизведенные теперь в многочисленных воспоминаниях, архивные документы — все это позволяет нам реконструировать, и достаточно полно, биографию поэта, как бы рассказанную им самим, ближайшими друзьями и современниками.

НАЧАЛО ПУТИ

«Я родилась 11(23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет» — так начинается Ахматова свою автобиографию, которую назвала «Коротко к себе»¹.

В прозаических набросках «Листков из дневника», не раз и не два возвращаясь к начальному периоду своей жизни, Анна Андреевна однажды, например, упоминает, что родилась в один год с Чарли Чаплиным, «Крейцеровой сонатой», Эйфелевой башней и Гитлером. В другом месте имя Гитлера отсутствует (и это вполне понятно), но говорится о том, что в тот год Париж праздновал столетие падения Бастилии, и о том, что в ночь ее рождения «справлялась и справляется знаменитая древняя Иванова ночь...»

Находит необходимым Ахматова подчеркнуть и то, что

ее назвали в честь бабушки Анны Егоровны, чья мать «была татарской княжной Ахматовой», и эту фамилию («не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом») Анна Горенко сделала своим литературным псевдонимом.

Вспоминает она и забавный эпизод, связанный с местом своего рождения: дача, которую нанимали когда-то ее родители в одесском пригороде, стояла в глубине очень узкого, ведущего вниз к морю участка земли, а морской берег там крутой, и рельсы паровичка (а потом трамвая) шли по самому краю обрыва. Когда Ахматовой было уже 15 лет, ее семья жила в соседнем пригородном месте, в Лустдорфе. «...Проезжая мимо этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини (так звали ее хозяина. — Авт.), которую я прежде не видела. У входа... я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», — сказала она.

В другом месте Ахматова вспоминает, что ее мать в молодости была связана с народовольческим движением, а в стихах так воссоздает ее облик:

...И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила...

Огромное впечатление произвел на девочку древний Херсонес, где несколько раз она жила в летние месяцы. Ласковое южное море, пустынный берег, древние развалины питали ее воображение, там были написаны первые стихи. Они не сохранились. Мы знаем только, что одно из них называлось «Голос». Херсонесские впечатления войдут и в поэму Ахматовой «У самого моря».

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье.

В песок зарывала желтое платье,
Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга,
И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала.
Когда возвращалась, маяк с востока
Уже сиял переменным светом,
И мне монах у ворот Херсонеса
Говорил: «Что ты бродишь ночью?»

Эти гармоничные строки, в которых столько покоя и красоты; будут написаны в 1914 году, но до этого у Анны Горенко будет еще много переживаний, увлечений, разочарований и невзгод.

Недавно нам стали известны ее письма конца 1906 -- начала 1907 года². Аня Горенко жила тогда в семье дальних родственников в Киеве, училась в последнем классе Фундуклеевской гимназии, чувствовала себя очень одинокой, непонятой, скучала по Петербургу и Царскому Селу, мучилась тем, что не любит того, кто любит ее, а тот, кого она любит, к ней равнодушен...

Вглядываясь в сохранившиеся фотографии тех лет, в это чуть надменное и вместе с тем растерянное лицо семнадцатилетней гимназистки и читая письма, в которых важное чередуется с пустяками, бравада с исповедью, мы как бы слышим молодой, то звонкий, то срывающийся почти на плач голос Ани Горенко:

«...Хорошие минуты бывают только тогда, когда все уходит уживаться в кабак или едут в театр, и я слушаю тишину в темной гостиной. Я всегда думаю о прошлом, оно такое большое и яркое. Ко мне здесь все очень хорошо отнесется, но я их не люблю.

Слишком мы разные люди. Я все молчу и плачу, плачу и молчу. Это, конечно, находят странным, но так как других недостатков я не имею, то пользуюсь общим расположением.

...Между прочим, могу сообщить Вам, что бросила курить, за что кузены чествовали меня.

...Я кончила жить, еще не начиная. Это грустно, по это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных.

...Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Сте-

пановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли я его, я не знаю, но кажется мне, что люблю.

...Я не пишу ничего и никогда писать не буду. Я убила душу свою, и глаза мои созданы для слез, как говорит Иоланта.

...Скорее бы кончить гимназию и поехать к маме...

Очень трогательно звучит эта последняя фраза, особенно после сообщения о предстоящем замужестве.

С поэтом Николаем Гумилевым, который к тому времени, как Анна Горенко стала его женой (весна 1910 года), уже издал сборники стихотворений «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы», она познакомилась еще в ранней юности, в Царском Селе.

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

Разумеется, к стихам Ахматовой, как и любого подлинного поэта, никак нельзя относиться лишь как к пересказу эпизодов своей биографии, но в данном случае, как и в некоторых других, за стихотворными строками явственно проступает и реальное «место действия» — Царское Село, и «действующие лица», что и позволило академику В. Жирмунскому предположить, что это стихотворение «рассказывает о первой встрече Ахматовой с ее будущим мужем». А дату этой встречи (Рождественский сочельник 1903 года) по раз называла и сама Ахматова, иногда добавляя и то, что они познакомились в Гостином дворе, где она с подругой покупала игрушки для елки. Значит, было ей тогда четырнадцать с половиной лет.

«...Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно», — пишет она в автобиографии, а рассказывая об этом времени Лидии Чуковской, упоминает, что хотя читала она в те годы очень много (особенно русскую и французскую поэ-

зию), в основном это были книги, далеко выходящие за рамки гимназического курса:

«Я очень хорошо помню, как я принесла в гимназию «Стихи о Прекрасной Даме», и первая ученица сказала мне: «И ты, Горенко, можешь всю эту ерунду прочесть?..»

И еще, вспоминая о своем не всегда примерном поведении, Ахматова добавляет, что начальница гимназии ее не любила, может быть, и за то, что она однажды «интриговала на катке ее сына». Самостоятельность и своеволие характера этой девушки выразилось и в том, что она несколько раз брала обратно свое согласие на брак с Гумилевым, и свадьба состоялась только через три года.

Образ Ахматовой — невесты, возлюбленной, жены, друга — возникает во многих стихах Гумилева. Вот одно из них, уже сравнительно позднего времени:

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ея расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью долгией и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

...Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

Их брак не был счастливым, и через несколько лет (в 1918 году) они оформят свой развод официально.

«Мы прожили с Николаем Степановичем семь лет. Мы были дружны и внутренне многим обязаны друг другу. Но я сказала ему, что нам надо расстаться. Он ничего не возразил мне, однако я видела, что он очень обиделся. Вот это стихотворение о лесе, что я вам прочитала, это обо мне..»

(Ахматова читала в тот вечер Л. К. Чуковской стихотворение Гумилева «Эзбекие», где была и такая строфа:

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров —
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов... — Авт.)

Тогда он только что вернулся из Парижа после своей неудачной любви к Синей Звезде, — продолжала Ахматова. — Он был полон ею, — и все-таки мое желание с ним расстаться уязвило его... Мы вместе поехали в Бежецк, к бабушке, взглянуть на Леву. Мы сидели на диване, Левушка играл между нами, Коля сказал: «И зачем ты все это затеяла». Это было все... Согласитесь, на этом ничего не построишь, — прибавила она с грустью, — этого мало, не правда ли?.. — И, помолчав: «Я нахожу, что мы слишком долго были женихом и невестой. Я в Севастополе, он в Париже».

Они навсегда сохраняют друг к другу огромное уважение и самые теплые чувства. Об этом свидетельствуют не только их стихи, но и одна из дарственных надписей Ахматовой, которую она сделала на своей книге «Белая стая»:

«Моему дорогому другу Н. Гумилеву с любовью. Анна Ахматова. 10 июня 1918 года. Петербург».

УЧИТЕЛЯ И СОВРЕМЕННОКИ

Ахматову и Гумилева с давних пор и до последнего времени критика обычно причисляла (да и сама она иногда так делала) к литературной группе акмеистов. В автобиографии Ахматова отмечает:

«В 1910 году явно обнаружился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому цеху поэтов — Мапельштамом, Зенкевичем и Нарбутом — я сделалась акмеисткой». Некоторая шутливость этого оборота «сделалась акмеисткой», кажется, неслучайна. Уже при зарождении группы, еще в десятые годы и тем более в последнее время более проницательные ис-

следователи ясно видели условность объединения таких разных по своим творческим устремлениям поэтов, как С. Городецкий и Н. Гумилев, и таких непохожих поэтик, как у Ахматовой и Мандельштама.

Примитивное выделение акмеизма как школы, направления, тяготеющего к «прекрасной ясности» и отвергающего «туманы символизма», хотя и верно «в первом приближении», и удобно для поверхностных классификаторов, мало что дает по существу. Бесплодность толкования творчества Ахматовой в рамках акмеизма наиболее определенно показал в своей книге об Ахматовой академик В. М. Жирмунский¹. Его подход к этому вопросу особенно интересен и поучителен, так как он когда-то стоял у самых истоков этого направления. А спустя более чем полвека, выступая на вечере Анны Ахматовой в Библиотеке-музее В. Маяковского в 1964 году, Виктор Максимович говорил: «Во время моей молодости, когда появились литературные манифесты вождей акмеизма Н. Гумилева и С. Городецкого, столь непохожих друг на друга в своем творчестве и своих теориях, мало кто из современников верил в существование акмеизма. Я был тогда одним из немногих, кто верил. И Гумилев тогда говорил обо мне, как будто я «единственный критик, признающий существование акмеизма». Но он же считал, что и я не понимаю, что такое акмеизм.

Сейчас все верят, что существовала литературная школа акмеизма, к которой принадлежала молодая Ахматова, а я стал в этом сомневаться. Из группы так называемых акмеистов вышло три крупных поэта: Ахматова, Гумилев и Мандельштам. И объединяет этих трех поэтов, столь непохожих друг на друга в своей творческой индивидуальности, мне думается, отнюдь не положительное содержание их поэзии, но только одно отрицание символизма, их «антимодернизм», что, впрочем, не совсем справедливо для Мандельштама, в особенности, для его поздних стихов».

И хотя в автобиографических набросках Ахматова уделяет акмеизму достаточно много места (именно она составила наиболее полный список поэтов-акмеистов), ясно, что, «сохраняя память о литературных дружбах своей молодости» (как пишет В. Жирмунский), она тем не менее четко проводила грань между своими соратникам и собой, когда, например, писала в воспоминаниях: «Почему этим якобы

грамотеям (имеются в виду те критики, которые писали об акмеизме упрощенно и ошибочно. — Авт.) не приходит в голову отметить тот довольно, по-моему, примечательный факт, что на моих стихах нет никакого влияния Гумилева, несмотря на то, что мы были так связаны, а весь акмеизм рос от его наблюдения над моими стихами тех лет так же, как над стихами Мандельштама.

В петербургских литературных кругах Ахматову вначале действительно воспринимали как «ученицу Гумилева», но уже первый сборник ее стихотворений «Вечер», вышедший в 1912 году, принес ей известность вполне самостоятельного поэта, а вторая книга «Четки» (1914) стала настолько популярной, что выдержала за несколько лет 10 изданий! Чтобы оценить эту цифру, надо иметь в виду, что даже стихи Александра Блока в те годы так часто не переиздавались.

Простота и прозрачность стихов ее первых двух книг сочтались с подлинностью чувства, глубокой психологической насыщенностью четко выбранных и умело расположенных выразительных деталей:

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

Это стихотворение 1913 года написано уже твердой рукой вполне самостоятельного поэта и, несомненно, большого мастера. А если и можно разглядеть некоторую — вполне естественную — зависимость ранней Ахматовой от стихов ее современников и предшественников, то прежде всего это влияние поэта, которого она сама не раз называла своим учителем, — Иннокентия Анненского.

И действительно, некоторые ахматовские стихотворения вызывают в памяти такие, например, строфы Анненского:

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь
И снегов не помню я мертвей.

До конца все видеть, цепеня...
О, как этот воздух странно нов...
Знаешь что... я думал, что большее
Увидать пустыми тайны слов...

Впрочем, Ахматова одна из первых в нашем литературоведении указала на то, сколь многим обязаны Анненскому и другие поэты, ее сверстники, причем такие разные, как Маяковский, Хлебников, Пастернак... И если Ахматову поразили в стихах Анненского прежде всего изощренный психологизм и живые, доверчивые интонации, то других поэтов не могла не привлечь та смелость, с которой он вводил в поэзию разговорную лексику или «прозаизировал» ее, экспрессивировал с ритмом и звучанием слова.

«...Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета, — пишет Ахматова в автобиографии. — В 1912 году проехала по Северной Италии... Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь».

В Париже Ахматова подружилась с никому тогда еще певедомым, а впоследствии знаменитым художником Амадео Модильяни. Позднее Ахматова посвятит ему один из лучших своих мемуарных очерков:

«...В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное... недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских царик и танцовщиц...

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни ходил с огромным очень старым черным зонтом. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксембургском саду, шел теплый дождь... а мы в два голоса читали Верлена, которого хорошо помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

...Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами...

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только робкие попытки, например, в «Аполлоне» в 1911 году».

Ахматова имеет в виду четвертый номер этого журнала, где были помещены ее стихотворения «Над водой», «И пришла тебя сменить, сестра», «Мне больше пог моих не надо» и «Сероглазый король». Последнее стихотворение очень быстро стало широко известным, особенно после того, как его положил на музыку и включил в свой постоянный репертуар Александр Вергинский.

Большая часть стихотворений Ахматовой того времени была посвящена любви. Но в этой столь традиционной для поэтов всех времен и народов теме она открыла столько оттенков и граней, что вот уже несколько поколений читателей и особенно читательниц этих стихов находят в них выражение своих сокровенных чувств. Саму Ахматову их популярность подчас удивляла, секрет же их воздействия на читателей пытались разгадать многие серьезные исследователи и сами поэты — от Михаила Кузмина, признанного «метра» тех лет (он писал и предисловие к первой книге стихов Ахматовой), до Михаила Дудина, и такие известные ученые, как Б. Эйхенбаум, В. Виноградов, К. Чуковский. Корней Иванович на протяжении десятилетий пристально наблюдал развитие таланта Ахматовой, он дал выразительные характеристики некоторых особенностей ее поэзии, привел немало свидетельств гипнотической силы воздействия ахматовских стихов на читателей. Он, в частности, писал:

«Когда появились первые ее книжки, меня... больше всего поразила именно материальность, предметность ее поэтической речи, осязаемость всех ее зорко подмеченных и искусно очерченных образов.

Ее образы никогда не жили своей собственной жизнью, а всегда неизменно служили раскрытию лирических переживаний поэта, его радостей, скорбей и тревог. Немного словно и сдержанно выражала она все эти чувства. Какой-нибудь еле заметный, микроскопический образ был так насыщен у нее большими эмоциями, что он один заменял собою десятки патетических строк».

Власть ее лирики была беспредельна, считает К. Чуковский, молодежь двух или трех поколений влюблялась под аккомпанемент стихотворений Ахматовой, находя в них воплощение своих собственных чувств. Эти стихи Ахматовой принято по непонятной причине называть интимными, камерными, как будто любовь при всей своей интимности не

всечеловеческое, не всенародное чувство, как будто существуют сердца, не подвластные ей.

Далее Корней Иванович отмечает, что лирика Ахматовой почти всегда сюжетна. В ней очень мало отвлеченных слов. Ее стихи не только песни, но зачастую — новеллы со сложным и емким сюжетом, который приоткрывается для нас вдруг одним каким-нибудь незабываемым штрихом. Новеллы о канатной плясунье, которую покинул любовник, о женщине, бросившейся в замерзающий пруд, о студенте, лишившем себя жизни от безнадежной любви, о рыбаке, в которого влюблена продавщица хамсы, — новеллы, каким-то чудом преобразованные в песню.

«Ее творчество вещное — доверху наполненное вещами. Вещи самые простые — не аллегории, не символы: юбка, муфта, перо на шляпе, зонтик, колодец, мельница. Но эти простые, обыкновенные вещи становятся у нее незабвенными, потому что она подчиняет их лирике. Вся Россия запомнила ту перчатку, о которой говорит у Ахматовой отвергнутая женщина, уходя от того, кто оттолкнул ее:

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки...»².

Корней Чуковский обращает наше внимание и на то, что в стихах Ахматовой много построек и статуй. Возможно, это объясняется, в частности, и могучим воздействием на художественные вкусы и пристрастия Ахматовой архитектурно-музейной обстановки Царского Села, где прошли ее детство и юность. Красота его зданий, бесчисленные скульптуры и незримое присутствие Пушкина явственно отразились в некоторых ее царскосельских стихах:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов.
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Слава Ахматовой начиная с 1912 года стремительно росла: ее стихи регулярно появлялись на страницах петербург-

ских журналов, вызывая самые благожелательные отзывы критиков и признание других поэтов, причем самых разных направлений — от Кузмина до Хлебникова, от Брюсова до Клюева. Наконец, сам Александр Блок, поначалу отнесшийся к ее стихам несколько настороженно, отмечает в своем дневнике, что Ахматова, читая стихи, взволновала его, и что ее стихи «чем дальше, тем лучше».

И уважение к ее таланту, и восхищение ее красотой выражает он в стихотворении, которое первоначально начиналось так:

Кругом твердят: «Вы — демон, Вы — красива».
И Вы, покорная молве,
Шаль желтую накинете лениво,
Цветок на голове...

Примечательно, что в черновиках этого стихотворения сохранилась и тема, которая отсутствует в окончательном варианте, — тема ранней славы и страха перед ней:

Но сквозь все слова чужие
Вас страшит расцвет Ваш ранний...

Ахматова могла узнать об этих черновых набросках (от таких исследователей творчества Блока, как Вл. Орлов и Д. Максимов) только много позже, в 50-е годы, и тогда же вполне подтвердила верность блоковского наблюдения:

И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить...

Вышедшая в 1914 году книга «Четки» принесла Ахматовой уже всероссийскую славу и выдвинула ее в ряды первых русских поэтов. Пройдет совсем немного времени, и Осип Мандельштам напишет, что имя Ахматовой становится «символом величия России».

ПОЭТ И РОССИЯ

Очень заметно изменилась поэзия Ахматовой и тематически, и самым тоном, звуком во время первой мировой войны, в годы суровых испытаний, тревог, лишений и смертей. Изменение это, весьма примечательное, как ни странно, далеко не сразу и не всеми было замечено: еще долгие годы многие читатели и критики воспринимали Ахматову как поэ-

та «камерного», в то время когда она уже говорила о движении истории, о судьбе страны и народа. Совершенно справедливо К. Чуковский отметил, что в одном из стихотворений Ахматова «говорит, что готова отдать все, что есть у нее дорогого и вытерпеть любые удары судьбы,

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей».

Весьма существенно, что личная и общественная темы развиваются в стихах Ахматовой не параллельно, но в неразрывном единстве: в том же стихотворении, откуда приведены эти две строки, говорится и о чувствах, переживаниях и обстоятельствах сугубо личного плана. Точно так же в стихотворении, написанном позднее осенью 1917 года и вскоре ставшем широко известным, Анна Ахматова, решая вопрос, который стоял тогда перед многими русскими интеллигентами, — эмигрировать или остаться — говорит прежде всего о себе и своей судьбе:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал...
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выпу черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

«Вскоре после Октябрьской революции, — пишет Ахматова, — очень многие мои современники, как известно, покинули Родину. Для меня этот вопрос никогда не вставал. Некоторое время я работала в библиотеке Агрономического института (выдавала книги и писала карточки), ведя тот суровый образ жизни, который пал на долю тогдашних петербуржцев».

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит.
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

Это стихотворение так и называется «Петроград, 1919».

Вспоминала Ахматова и о том, как однажды пришла к Горькому и просила его помочь ей устроиться на какую-нибудь работу. Горький посоветовал ей обратиться в Смольный, чтобы переводить на итальянский язык прокламации Коминтерна. «Я тогда, не зная достаточно итальянского языка, — говорила она, — не могла бы, даже если б захотела, переводить эти прокламации. Но, конечно, по отношению ко мне он поступил недостаточно обдуманно, сделав мне такое предложение...»

Резко изменившийся внешний и внутренний облик Анны Ахматовой этих дней замечательно передан в широко известной картине Петрова-Водкина и в гораздо менее известном, но по-своему примечательном его карандашном портрете Анны Ахматовой. Ее стихи о верности родине знал наизусть Александр Блок, сказавший: «Ахматова права, убежать от революции — позор».

Уж давно было подмечено, что своеобразие патриотических стихов Ахматовой первых послереволюционных лет заключается и в том, что поэтесса не «относится» к России, а как бы и есть сама Россия, как мать не «относится» к семье, а есть сама семья. Это не «голос о России», а как бы голос самой России.

Через многие ахматовские стихи проходит тема разлуки,

которая волновала тогда столь многих людей: не было, пожалуй, такой семьи в России, в которой бы не было разлученных верстами, фронтами, морями... Рассказывая о своей жизни летом 1917 года в Слепневе, Ахматова пишет:

«Я ждала письма, которое так и не пришло — никогда не пришло. Я часто видела это письмо во сне; я разрывала конверт, но оно или написано на непонятном языке, или я слепну...»

И в стихах того лета много строк об ожидании, разлуке и о прощании навсегда. Перед читателем сборников «Подорожник» и «Аппо Доміні» проходят, кажется, все виды разлук: погибает «он», или погибает «она», или оба остаются жить, но уходит любовь...

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?..

О каких бы личных переживаниях или событиях истории ни шла речь в стихах Ахматовой, во всех ее произведениях слышатся интонации именно ее голоса, просвечивают свойства яркой, самобытной, красивой человеческой личности. И вполне естествен интерес любящих ахматовскую поэзию к внешнему облику поэтессы. В 1916 году ее портрет был помещен на почтовой открытке, выпущенной с благотворительной целью, ее фотография большим тиражом издана на другой открытке в середине 20-х годов. Широкую известность получит и портрет 1921 года, созданный одним из преданнейших ее поклонников — художником Юрием Анненковым.

Ахматова пишет, что Анненков рисовал ее в «доме Мурузи», где она последний раз видела Гумилева. Думается, что она не случайно отметила это, казалось бы, внешнее обстоятельство: портрет передает суровый и высокий трагизм стихов Ахматовой 1921 года, года, отмеченного смертью Блока и расстрелом Гумилева. И, думается, она определенно хотела, чтобы будущие внимательные читатели ее книг обратили особое внимание на стихи, которые помечены авгу-

стом — сентябрем этого года. Среди стихов тех дней было и такое:

Заплаканная осень, как вдова,
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.

И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенья боли и забвенья нег —
За это жизнь отдать не мало.

И как бы не очень надеясь на пронизательность будущих исследователей, Ахматова к тому разделу книги «*Appio Domini*», где помещено это стихотворение, ставит эниграфом строки Николая Гумилева:

Мир — лишь луч от лика друга,
Все иное — тень его.

Казалось бы, в бурных событиях, захлестнувших страну, среди звучания громких голосов таких ярких новых поэтов, как Владимир Маяковский и Сергей Есенин, на фоне митинговых выступлений таких пролетарских поэтов, как Демьян Бедный, М. Герасимов, В. Кириллов, В. Казин, А. Гастев, И. Садофьев, голос Ахматовой не мог быть услышан, а ее мишпаторные книжки должны бы быть вытеснены новыми, дерзкого вида изданиями, с вызывающими названиями: «Исповедь хулигана», «Песня о железе», «Рабочий май», «150 000 000», «Динамистихи»... Однако этого не произошло. Ахматовские «Четки», «Белая стая», «Подорожник» оказались притягательны не только для прежних, дореволюционных ее читателей, но и для новых, круг которых стремительно расширялся.

Известная деятельница коммунистического движения А. Коллонтай, отвечая на многочисленные письма, приходящие в журнал «Молодая гвардия», в которых некоторые комсомолки в смятении спрашивали, «совместима ли поэзия Ахматовой с настоящим пролетарским мировоззрением», утверждала, что да, совместима. А Лариса Рейснер, знаменитый когда-то комиссар Балтфлота, восторженно писала Анне Ахматовой в 1921 году: «Вы радость, содержание и светлая душа всех, кто жил неправильно, захлебываясь грязью, умерал от голода»¹. С большим уважением, как о «первоклассном

лирическом поэте» писал об Ахматовой летом 1922 года в газете «Правда» известный деятель революционного движения Н. Осинский, который считал, что после смерти Александра Блока именно ей «бесспорно принадлежит первое место среди русских поэтов».

Но с такими оценками поэзии Ахматовой в начале 20-х годов были согласны далеко не все. Особенно яростным нападкам она подвергалась со стороны «крайне левых» критиков журнала с боевым названием «На посту». Сейчас уже всем очевидна их полная неправота. Как раз в те переломные годы, по справедливому наблюдению одного из современных нам критиков А. Павловского, «глубина и богатство духовной жизни, серьезность и высота моральных требований неуклонно выводили Ахматову на дорогу общественных интересов».

Современная критика совершенно справедливо пишет о том, что Ахматова «относилась к развертывавшимся перед ней событиям революции и гражданской войны с позиции сложившихся уже пацифистских взглядов. Она осуждала гражданскую войну, как осуждала бы в те годы всякую войну...».

Вспомним хотя бы такие строки:

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать,
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

Или стихи о том, как «На малаховом кургане / Офицера расстреляли...» Теперь нам представляется вполне закономерным то, что эти стихи и своей формой приближены к народным песням; теперь нам ясно, что они достаточно полно и точно выражали настроения самых широких народных масс, а отнюдь не «эстетствующих группок». Но в середине 20-х годов победило «иное мнение», и после очередного «указания свыше» стихи Ахматовой перестали печатать. Подготовленный к печати ее двухтомник так и не увидел света. Его верстка, как бесценное сокровище, хранится ныне в одной из частных коллекций, а первое двухтомное собрание сочи-

нений Ахматовой в нашей стране вышло лишь в 1986 году.

Давно забылись многочисленные «антиахматовские» статьи 20-х годов. Да и сама она редко их вспоминала, разве только наиболее нелепые или особенно грубые, вроде той, где говорилось, что «эта женщина забыла вовремя умереть».

В будущей истории литературы эти злые наветы будут вспоминать, может быть, лишь потому, что они косвенным образом отразились в некоторых замечательных ахматовских стихотворениях того времени.

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей души последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ НА ДИВАНЕ

...Однажды зимой 1926 года один из близких друзей Ахматовой, просмотрев ее заметки о связи поэзии Анненского и Гумилева с поэмами Гомера, задумчиво сказал: «Когда Вам пришлют горностаевую мантию из Оксфордского университета, помяните меня в своих молитвах»¹.

Грустный смысл этой шутки, сохранившейся в дневнике Павла Лукницкого — прилежного летописца ахматовских трудов и дней второй половины 20-х годов — раскрывается на соседних страницах того же дневника, где рассказывается о внешних обстоятельствах жизни Ахматовой: бедности, почти нищете, об ее изоляции от бурной литературной и общественной деятельности середины 20-х годов.

«Двенадцать лет я провалялась на диване», — так с

горькой улыбкой комментировала Ахматова одну из своих фотографий тех лет.

Запретить печатать стихи одного из самых лучших и самых популярных поэтов (к 1924 году вышло около 20 изданий ее книг) было нетрудно. Но остановить работу столь могучего интеллекта, каким была наделена Ахматова, погасить ее фантазию, лишить ее волшебного певческого дара было невозможно.

Пройдет еще почти четыре десятилетия, и именно Анне Ахматовой — единственному из наших поэтов — будет торжественно вручена мантия доктора литературы Оксфордского университета. Давняя шутка ее друга оказалась пророчеством, обернулась триумфом поэта, которого так несправедливо шельмовала или постыдно замалчивала официальная критика.

Лишенная возможности печатать стихи, Ахматова во второй половине 20-х годов особенно много времени посвящает изучению архитектуры любимого Петрограда—Ленинграда и творческой биографии Пушкина.

«Результатом моих пушкинских штудий, — пишет она в автобиографии, — были три работы — о «Золотом петушке», об «Адольфе Бенжамене Констане» и о «Каменном госте».

Задумала Ахматова и большую книгу, о которой тоже сочла необходимым упомянуть в автобиографии — «Гибель Пушкина». У нее был свой, совершенно самостоятельный подход к этой сложнейшей историко-литературной теме. Глубокие знания, пронизательный ум, интуиция поэта подсказали ей решения ряда проблем, казалось бы, недоступные профессиональным историкам и литературоведам.

Среди ахматовских исследований в пушкинистике обычно называют прежде всего открытие литературного источника «Сказки о золотом петушке». Она доказала, что «Сказка...» непосредственно связана с «Легендами об арабском звездочете» В. Ирвинга и, что не менее важно, впервые раскрыла злободневные мотивы «Сказки...», показала, что они определены политической позицией поэта.

Можно назвать еще ряд ценных открытий, трактовок, наблюдений Ахматовой, которые вносят существенный вклад в пушкиноведение. Но наиболее интересен и значителен сам метод ее анализа.

«Интуиция большого мастера, — пишет одна из авторитетнейших современных исследовательниц литературы XIX века, близко наблюдавшая работу Ахматовой, Эмма Герштейн, — помогает ей нащупать ключевые фразы там, где их не слышат другие, находить их отзвуки там, куда не обратится мысль исследователя другого типа. Все это дает неожиданный поворот для толкования всего произведения в целом, и даже отрывочные заметки Ахматовой часто оказываются плодотворными для развития дальнейшей исследовательской мысли специалистов»².

Ко второй половине 20-х годов относятся и столь редкие в лирике Ахматовой стихи о разделенном чувстве, о взаимопонимании... Они обращены к Николаю Николаевичу Пунину, известному искусствоведа, с которым в это время Ахматова соединила свою жизнь и судьбу:

И ты мне все простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнем тлетворный дым,
Слилась навеки клевета глухая.

Николай Николаевич Пунин ценил не только редкую красоту, талант, ум Ахматовой, но и (как это стало ясно им обоим много лет спустя, когда их судьбы уже далеко разошлись) прежде всего ее высочайший нравственный уровень, замечательную цельность ее характера.

В 1942 году он напишет ей большое письмо из самаркандской больницы, куда вывезут его из Ленинграда. Он пишет, как там, в блокаде, когда ему казалось, что он стоит на предсмертном пороге, он думал о ней:

«...Мне кажется, я в первый раз так всеобъемлюще и широко понял Вас — именно потому, что это было совершенно бескорыстно, так как увидеть Вас когда-нибудь я, конечно, не рассчитывал, это было действительно предсмертное с Вами свидание и прощание. И мне показалось тогда, что нет другого человека, жизнь которого была бы так цельна и потому совершенна, как Ваша: от первых детских стихов (перчатка с левой руки) до пророческого бормотания и вместе с тем гула поэмы. Я тогда думал, что эта жизнь цельна не волей — и это мне показалось особенно цен-

ным, — а той органичностью, то есть неизбежностью, которая от Вас как будто совсем не зависит. Теперь этого не написать, то есть всего того, что я тогда думал, но многое из того, что я не оправдывал в Вас, встало передо мной не только оправданным, но и, пожалуй, наиболее прекрасным»³.

Оценить такое письмо вполне можно, только зная, что между этим письмом и стихами 20-х годов будут и другие, подчас очень горькие объяснения, будут стихи о том, как кончается большая любовь и как трудно расстаться даже разлюбившим:

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

А когда, еще через много лет, в 1953 году Н. Н. Пунин погибнет в одном из концлагерей ГУЛАГа, Ахматова посвятит его памяти проникновенные строки:

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя,
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

ГОДЫ ТЕРРОРА

Первый раз Николай Пунин был арестован еще в 1935 году.

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла...

Так в 1935-м зазвучала в стихах Ахматовой тема сталинского террора. Эти и подобные строки Ахматовой долгие годы были нам неизвестны, а без них ее творческий облик (как это стало очевидно сейчас всем) никак не мог быть

достаточно верно оценен читателем. Ее считали прежде всего поэтом любовной темы, автором великолепных стихов о ленинградских и царскосельских парках, об искусстве, мастером исторических зарисовок... И действительно, она была таким мастером. В своих прозаических набросках Ахматова так, например, описывает Петербург «времен Достоевского»: «Он был с ног до головы в безвкусных вывесках — белье, корсеты, шляпы, совсем без зелени, без травы, без цветов, весь в барабанном бое, так всегда напоминающем смертную казнь, в хорошем столичном французском языке, в грандиозных похоронных процессиях и описанных Мандельштамом высочайших проездах».

Умение показать стиль и душу исторической эпохи через живописные бытовые реалии — еще одна сторона ахматовского таланта.

Но недавняя публикация «Реквиема» и примыкающих к нему стихотворений расширила наши представления о поэте и позволила понять нам настоящее место ее творчества в истории русской литературы и, по справедливому выражению одного из авторитетнейших наших литературоведов, Вл. Лакшина, подняла «значение ее и без того общепризнанного наследия сразу на несколько ступеней».

Большая часть стихов, составивших знаменитую ныне поэму «Реквием», связана с арестом в 1938 году сына Ахматовой Льва Гумилева, в то время студента Ленинградского университета, и арестами многих других ленинградцев¹.

Боль за сына, за судьбы близких и далеких ей людей прорывалась во многих стихах Ахматовой, сопутствующих тем, что вошли в поэму:

Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слежки своей.

.
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там...

Большая часть этих стихотворных строк Ахматовой опубликована в нашей стране лишь недавно, другие же, хотя и были известны, но далеко не многие читатели могли понять, что стоит за этими стихами.

Еще в 1940 году в сборнике «Из шести книг» и в жур-

нале «Звезда» (№ 3—4) было напечатано стихотворение «Приговор» о неизбежном горе матери, узнавшей о безжалостной расправе над единственным сыном:

И упало каменное слово
На мою, еще живую, грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном,
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

Чтобы замаскировать подлинный смысл этих пронзительных строк о своем материнском горе и о всепародной беде, Ахматова в книжном варианте сняла название стихотворения, а в журнальной публикации поставила заведомо неверную дату его создания (1934). И стихотворение, которое являлось, как мы узнали много позже, кульминацией тюремного цикла «Реквием», было воспринято цензурой, критикой, да и почти всеми читателями, как рассказ о некоей любовной драме. (Настоящая дата — 1939 год — была восстановлена Ахматовой лишь в более поздних стихотворных сборниках.)

Только несколько самых верных, самых преданных друзей Ахматовой понимали подлинный смысл этого стихотворения, знали другие ее «крамольные» строки, за любую из которых в те годы можно было заплатить свободой, а то и жизнью.

«Время было апокалиптическое», — писала позже об этом Ахматова, рассказывая, что, даже даря друзьям книги, некоторые не подписывала, так как в любой момент такая надпись могла стать уликой. А в «Реквиеме» о тех страшных годах говорилось:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвицная корчилась Русь

Под кровавыми сапогами
И под шинами черных «марусь».

Сохранить такие стихи в доме, где шел обыск за обыском, в городе, где пустела одна квартира за другой, можно было только одним способом: не доверять их бумаге, а держать лишь в памяти. Ахматова так и поступила. Вплоть до 1962 года она не заносила на бумагу ни одной подобной строки более, чем на несколько минут: иногда она записывала тот или иной фрагмент на клочок бумаги, чтобы познакомить с ним кого-то из ближайших и надежнейших друзей. Произносить вслух такие строки Ахматова не решалась: она чувствовала, что и «у стен были уши». После того, как безмолвный собеседник их запоминал, рукопись передавалась огню. В одном из стихотворений мы можем прочитать, как об этом скорбном обряде рассказывает она сама:

...Я стихам не матерью —

Мачехой была.

Эх, бумага белая,

Строчек ровный ряд!

Сколько раз глядела я

Как они горят.

Сплетней изувечены,

Биты кистенем,

Мечены, мечены

Каторжным клеймом.

Среди нескольких надежных друзей, которым Ахматова доверила «Реквием» (с тем же условием не записывать на бумагу), была писательница Лидия Чуковская, автор повести «Софья Петровна», созданной в те же годы и тоже опубликованной у нас лишь недавно. Она писала в дневнике в январе 1940 года после встречи с Ахматовой: «...длинный разговор о Пушкине: о Реквиеме в «Моцарте и Сальери». ...Мирно и уютно потрескивала печка». Много позже Лидия Корнеевна Чуковская так разъяснит эту запись: «Пушкин ни при чем. Это шифр. В действительности, Анна Андреевна показала мне в тот день свой на минуту записанный «Реквием», чтобы проверить, все ли я запомнила наизусть. ...Когда я запомнила все стихи, Анна Андреевна сожгла их в печке».

В «Реквиеме» было тогда девять или десять стихотворений. Казалось бы, довольно разнотильные, они объединены

прежде всего тем, что все свидетельствуют не только о страдании, но и о силе человеческого духа, о его победе.

Ахматова как бы писала дневник, сначала свой, личный, потом наш, общий:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки...

Одной из первых в нашей литературе Ахматова осознала и с величайшей художественной силой выразила исторический масштаб и значение происходивших событий. В скорбном «Реквиеме» она, кажется, даже отметила тот момент, когда в молчаливой тюремной очереди пришло к ней это осознание и возникло острое желание его выразить: «...стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного всем нам оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом...»

Эта улыбка «невольной подруги» окончательно скрепила договор между поэтом и его народом: не написать «Реквием» Ахматова уже не могла.

Отныне эти стихи она будет считать одним из своих главных произведений, лучшим оправданием перед современниками и потомками своего существования. И в финальном стихотворении, там, где возникнет традиционная для русской классической и мировой поэзии тема памятника поэту, Ахматова напишет гордо и горько:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов,
И где для меня не открыли засов...

Памятник у тюремной стены... Разумеется, не себе, но всем матерям и сестрам невинно замученных — таким увидела Ахматова будущий мемориал.

Небывалой стенограммой небывалой боли и небывалого подвига называется сегодня этот ахматовский цикл известный философ Ю. Карякин. А говоря о том, как возникает и развивается в этом трагическом произведении тема победы матери над злом, Ю. Карякин утверждает, что этим произведением Ахматова «первая воздвигла памятник всем жертвам беззаконий еще в момент торжества этих беззаконий».

Как и всякое великое произведение, ахматовский «Реквием» воспринимается сегодня не только как рассказ о прошлом, но и как произведение нашего времени, удивительно актуальное, ибо оно утверждает столь важное сегодня ощущение неизбежности осуществления исторической справедливости.

В книге «Записки об Анне Ахматовой» Лидия Чуковская рассказывает, как поздней осенью 1962 года, когда «Реквием» впервые был перенесен на бумагу, Ахматова сказала очень торжественно: «Реквием» знали наизусть 11 человек, и никто меня не предал».

В тот же сентябрьский вечер, вспоминает Л. К. Чуковская, разговор зашел о тех людях, которые продолжают защищать Сталина. Чуковская сказала:

«— И мне такие встречаются, чуть только сделаю шаг в сторону из нашего узкого круга...

— А вы что? — закричала Анна Андреевна (на этом месте разговора она всегда кричит). — А Вы спросили бы их, своих собеседников, что именно им так правилось? Какая именно часть программы? Что людям разрывали рты до ушей?»

Тема матери, насильственно разлученной с сыном, воз-

никает, как теперь мы знаем, и в ахматовской «Поэме без героя»:

И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли.
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской земли.

Примечательно, что на существование этой и других «потаенных» строф намекала своим будущим читателям и исследователям сама Ахматова, поместив в тексте первоначальной публикации такую ремарку: «В печной трубе вост ветер, и в этом все можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема»,

СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ

Основная часть «Поэмы без героя» была написана в начале сороковых годов, но работа над ней продолжалась более 20 лет. Это очень сложное произведение, в нем причудливо переплетено прошлое с настоящим, действуют лица полувывмышленные, полуреальные, легендарные и фантастические. И хотя Ахматова просила читателей поэмы не искать в ней ни вторых, ни третьих смыслов, произведение это пронизано многочисленными литературно-историческими и сугубо личными ассоциациями. Понять его достаточно хорошо можно только в широком общекультурном контексте эпохи.

«Лиричная судьба поэта и судьба ее поколения получила здесь художественное освещение и оценку в свете исторической судьбы не только ее современников, но и ее родины», — пишет о поэме академик В. Жирмунский¹. Несомненно, справедливо и утверждение другого биографа и исследователя творчества Ахматовой, что эта поэма явилась как бы «сводом всех тем, сюжетов, принципов и критериев ее поэзии»² и то, что среди главных ее героев — Город, Время и Память, а одно из важнейших действующих лиц — Совесть.

Внешне действие первой части поэмы (название этой части — «Девятьсот тринадцатый год») строится вокруг

истории самоубийства из-за несчастной любви драгунского корнета, пишущего стихи. Эта история несколько напоминает реальную цепь событий, свидетельницей которых была когда-то Ахматова. Но это лишь один из сюжетов праздничного и страшного карнавала призраков, являющихся к автору из далекого прошлого.

О том, насколько сложна эта поэма для восприятия даже профессиональным поэтом, свидетельствует, в частности, и то, что ее не поняла и не приняла Марица Цветаева, которая летом 1941 года провела два долгих дня в разговоре с Ахматовой и прослушала первый вариант поэмы в чтении автора. Цветаевой показалось, что Ахматова остановилась в своем творчестве в кругу прежних своих тем.

Это разочарование было для Цветаевой особенно досадно, так как она всегда ставила творчество Ахматовой чрезвычайно высоко и когда-то писала:

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! — и сердце свое впридачу!

Это стихотворение было написано в 1916 году. А когда в 1941 году поэтессы встретились в предвоенной Москве, обе бездомные, неприкаянные, измученные тревогой за своих близких (и дочь, и муж Цветаевой, как и сын Ахматовой, к этому времени уже были арестованы), Марине Ивановне «Поэма без героя» да и другие ахматовские стихи (она незадолго до встречи читала сборник «Из шести книг») показались слишком далекими от жизни...

Цветаева не знала тогда и уже не узнала никогда, что у Ахматовой еще в марте 1940 года написано стихотворение, посвященное именно ей и ее судьбе, где были такие строки:

Поглотила любимых пучина
И разграблен родительский дом...

Впоследствии, как свидетельствует Лидия Чуковская, Ахматова вспоминала: «Она столько стихов посвятила мне.

Это был бы ответ, хоть и через десятилетия. Но я не решилась (прочитать ей. — Л. Ш.) из-за страшной строки о любимых».

А через несколько дней началась война.

...Еще в 30-х годах в одну из комнат квартиры, где жила Ахматова, вселили рабочую семью (это называлось «уплотнение»). Когда пьяный глава семьи бил своих ребятишек, Ахматова уходила в ванную комнату, чтобы не слышать их плача. Однажды она, чтобы доставить детям удовольствие, повела их в соседнюю фотографию. Вряд ли фотограф, да и любой из тех, кому попались бы на глаза эти карточки, мог бы догадаться, что перед ними поэт, имеющий уже не только всероссийскую славу, но приобретающий всемирную известность: стихи Ахматовой уже были переведены на немецкий и итальянский.

Со старшим из мальчиков, с Валею Смирновым, Ахматова (правда, не очень успешно) занималась французским языком. О ее педагогических попытках, стремлении найти с соседскими ребятами общий язык свидетельствует трогательный договор, сохранившийся среди ее рукописей:

«Я, Валентин Смирнов, обещаю Анне Андреевне больше никогда не кривляться, за что она, Ахматова, будет со мною дружить».

Далее следуют подписи «высоких договаривающихся сторон»: Валя Смирнов, Анна Ахматова.

Когда началась война, бомбежки и обстрелы, семья Пуниных, Ахматова и Смирновы спрятались в «щель», вырытую в саду «Фонтанного дома».

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!..

В воспоминаниях одной из современниц сохранился рассказ Ахматовой об этих днях: «Когда мы сидели в «щели» в нашем садике — я и семья рабочего, моего соседа по комнате (его ребенок был у меня на руках), я вдруг услышала такой рев, свист и визг, какого никогда в жизни не слышала, это были какие-то адские звуки — мне казалось, что я сейчас умру. Я подумала, как плохо я прожила свою жизнь, и как я не готова к смерти».

Анна Ахматова.
Художник М. Зельманова
1913 г.

Анна Ахматова
с Н. Гумилевым и сыном.
Фото 1915 г.

Анна Ахматова.
Фото 1924 г.

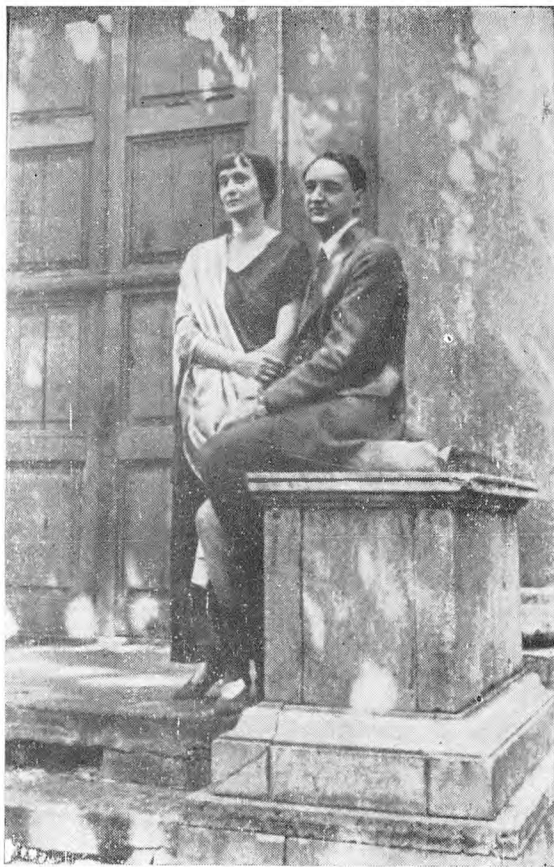

А. Ахматова
и О. Мандельштам.
Фото 1934 г.

Анна Ахматова.
Рисунок Ю. Анненкова.
1921 г.

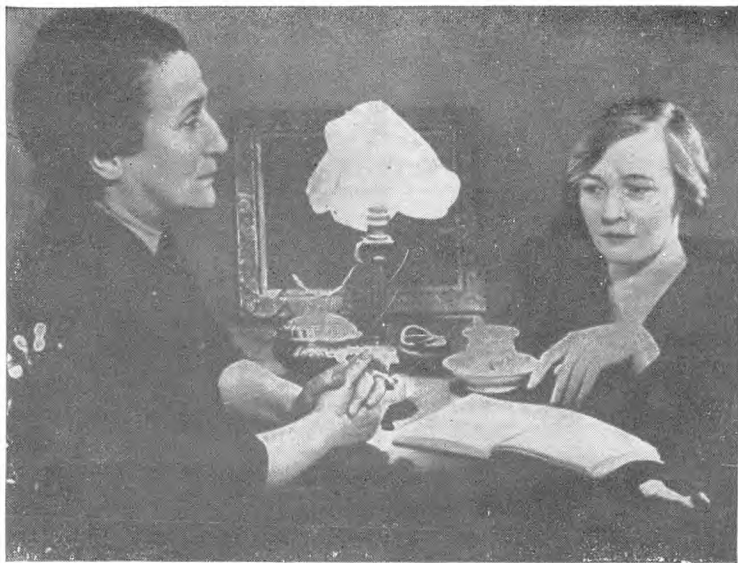
А. Ахматова
с Н. Пунным.
Фото П. Лукницкого,
1927 г.

Фото Ахматовой
1926 г.

А. А. Ахматова
с Валей Смирновым.
1940 г.

А. Ахматова
с О. Берггольд. 1945 г.

Удостоверение.
2-я половина 40-х гг.

А. Ахматова
с Л. Пастернаком.
Фото 1946 г.

Анна Ахматова.
Фото Л. Шилова 1965 г.

Памяти одного из этих мальчиков посвящено проникновеннейшее стихотворение, написанное уже в Ташкенте, где Ахматова услышала горькую весть о его гибели в блокадном Ленинграде:

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда...
Твоего я не слышала стоны,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинку зеленых,
Как ты прошлой весной приносил...

В Ташкенте Ахматова иногда читала стихи в госпиталях перед ранеными. Однажды ей передали, что после ее выступления один боец рассказывал другому: тут сестрица приходила, песни рассказывала... Ахматова была рада, что ее называли сестрой, а ее стихи — песнями.

Стихотворение «Мужество», опубликованное в газете «Правда», другие стихи военных лет привлекали к ней внимание все большего круга читателей.

Сейчас, когда в наших хранилищах подходит к завершению обработка многих личных архивов того времени, выявляется, в частности, и то, как много людей посылали друг другу в письмах именно это ее стихотворение.

В 1944 году Ахматова возвращается в столь близкий ее сердцу город на Неве. В автобиографических набросках пишет:

«В послеблокадном Ленинграде меня больше всего поразило спокойствие его ко всему привыкших жителей. Несмотря на то, что неприятель был еще очень близко, они были уверены, что все уже в порядке. Одна девушка, увидев меня, заплакала и сказала: «В первый раз вижу человека с Большой Земли». Летом я ездила в Териоки (тогда — фронт), где провела несколько дней и читала в госпиталях стихи».

Участвовала она и в одном из литературных вечеров в незадолго перед этим освобожденном от фашистов городе

Пушкине, ее любимом Царском Селе, которое теперь она увидела в руинах.

О, горе, мне! Они тебя сожгли...

О, встреча, что разлуки тяжелее!.. —

горько восклинула она в стихотворении, описывающем встречу с городом ее юности.

«НА ПОЗОРНОМ ПОМОСТЕ БЕДЫ»

В 1945 году стихи Ахматовой довольно часто появлялись в газетах и журналах, триумфально проходили ее выступления в концертных залах Москвы весной 1946 года. В Колонном зале, например, при ее появлении на сцене ей устроили овацию, причем люди аплодировали стоя. А ведь в то время «вставать» залу полагалось лишь при появлении вождя. И, может быть, поэтому последовавшее вскоре разгромное «Постановление...» Ахматова отчасти объясняла доставшимися ей «не по чину» бурными овациями и, показывая фотографию, сделанную в Колонном зале, обычно говорила: «Это я зарабатываю постановление».

В докладе идеолога сталинской эпохи Жданова и в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», несправедливом, позорном постановлении, к нашему общему счастью, отмененном в 1989 году, об Ахматовой и Зощенко было сказано много несправедливого, грубого, неврадного.

Вслед за этим Ахматова была исключена из Союза писателей СССР, и волна уничтожающих статей прокатилась по многим газетам и журналам: «Поэзия вредная и чуждая народу», «Пустая чуждая поэзия», «Об антинародной поэзии А. Ахматовой»...

Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу...

(К сожалению, здесь нет места писать о такой черте Ахматовой, как умение многое предвидеть, граничащее с ясновидением. Укажу только, что эти строки были написаны за несколько месяцев до катастрофы.)

На долгие годы имя и стихи Ахматовой были вычеркнуты из советской литературы. Один из младших ее современников, поэт Владимир Корнилов рассказывал в телерадиопередаче летом 1988 года:

«Однажды в Комарово в шестьдесят третьем году я ей говорил, как мы, тогдашние студенты Литературного института, приняли это постановление ЦК 46-го года о журналах «Звезда» и «Ленинград». И для нас это была трагедия: мы все Ахматову любили, знали наизусть; помню, продавали хлеб, чтобы купить «Четки» или «Аппо Domini»... И вот это постановление ЦК провело какую-то трещину в нашем сознании. Я об этом рассказывал Ахматовой. Она говорит: «Да, вы знаете, я потом написала одно стихотворение. И вот почему я его написала: пришла моя внучка и говорит: «Знаешь, Акума¹, мы тебя вчера прорабатывали». Я говорю: «Как? А ну, покажи». И она принесла учебник для 9-го класса, а там сказано, что вот Ахматова и Зощенко являются такими-сякими, нематыми, негодными». И тогда Ахматова написала стихотворение и вот позже мне прочла. Стихотворение я сразу запомнил, в нем всего восемь строчек, я запомнил семь, а несколько слов я не запомнил:

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут.
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня 13 лет клянут.
Та-ра-ра-ра ра-ра и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гремит».

Полностью стихотворение было опубликовано в журнале «Смена» в № 5 за 1989 год. Забытая В. Корниловым строка там восстановлена: «Неуклонно, тупо и жестоко».

...Проклятьями литературных сановников, бытовыми трудностями (после исключения Ахматовой из Союза писателей ее лишили рабочей продуктовой карточки, и она стала получать «иждивенческую» порцию хлеба) не ограничились удары судьбы.

В 1949 году был опять арестован ее сын.

Среди недавно возвращенных нашей литературе и истории ахматовских строк есть и такие:

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, стоятниц², пленниц,
И тебе пораскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

Примером величайшего подвига матери мне представляется еще один из малоизвестных эпизодов творческой биографии Ахматовой: ее вынужденные, вымученные стихи для журнала «Огонек», которые она написала в 1950 году, стремясь хоть как-то восстановить свое положение в литературе, чтобы помочь арестованному сыну.

(Попытки хлопотать через влиятельных литературных знакомых потерпели полную неудачу. Совершенно случайно я знаю, например, что обращалась Ахматова и к Лидии Сейфуллиной, которая в числе других писателей когда-то содействовала ее хлопотам после самого первого ареста Льва Николаевича в 1935 году. Но сейчас и она, как и другие, кого просила Ахматова, была бессильна: в ее семье уже были свои репрессированные...)

Всю беспомощность и ужас положения Ахматовой в те страшные месяцы конца 1949 — начала 1950 года можно понять, только вспомнив и о том, что еще прокатывались по газетно-журнальным страницам угодливой прессы тех лет отзвуки ждановского погрома, а на публикацию ее стихов был наложен жесточайший запрет.

Чтобы пробиться через этот запрет, чтобы в конце концов хотя бы заработать на передачу в тюрьму и на посылку в лагерь, Ахматова решила на высшую степень унижения для подлинного поэта: она написала стихи, прославляющие Сталина.

Эти стихи, по свидетельству близкой подруги Ахматовой Н. А. Ольшевской, она написала, больная от горя, покинутая почти всеми, «лежа одна в нетопленной комнате».

Мать, вынужденная прославлять палача своего сына...

Мне представляется эта страница нашей литературы и нашей жизни одним из тягчайших обвинений сталинизму.

Но, может быть, Ахматова так же, как многие другие писатели, в те годы еще не все понимала?

О том, что у Ахматовой давно уже не было иллюзий в отношении «вождя», свидетельствуют многие факты, но, кажется, вполне достаточно будет привести только одно стихотворение. В целях наивной, но тем не менее спасительной конспирации оно было названо «Подражание армянскому»:

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе, и деткам твоим?»

В начале 1950 года Ахматова узнала, что ее сын перевезен из ленинградской тюрьмы в московскую. Ее «вымученные» огоньковские стихи еще продолжали печататься, когда ей разрешили передать в окошечко Лефортовской тюрьмы 200 рублей. Она просила своих знакомых запомнить, что эти деньги дала ей Мария Петровых. (Та самая Мария Петровых, чье поэтическое наследие только сейчас становится известным нам в полном объеме, и у которой есть стихи, приближающиеся к уровню ахматовского «Реквиема».)

Семь долгих лет ждала Ахматова возвращения сына из концлагеря, боролась за его освобождение. Она держалась мужественно, и только самые близкие люди знали или догадывались о том, чего стоит ей эта выдержка. Лидия Чуковская пишет о том, как однажды ей послышался как бы стон, в котором можно было угадать имя «Лёва-Лёва...».

Своими письмами, ходатайствами, сочувствием Ахматовой помогали лучшие из немногих уцелевших ученых, писателей, людей искусства: архитектор Руднев, академик В. Струве, историки А. Окладников и Н. Конрад, писатели И. Эренбург, М. Шолохов, А. Фадеев...

Не столько литературным, сколько историческим и человеческим документом воспринимаем мы дарственную надпись, которую сделала Ахматова на книге своих стихотворных переводов, подаренной Фадееву 13 апреля 1956 года: «Большому писателю и доброму человеку». Он ответил ей теплым благодарственным письмом³.

Иногда случались и осечки. По свидетельству Э. Г. Герп-

штейн, когда она попросила Г. М. Кржижановского передать «наверх» одно из очередных прошений Ахматовой, тот не только не принял письма, но был возмущен тем, что к нему обращаются с просьбой от «упадочного поэта»...

«И ВСЕ-ТАКИ УСЛЫШАТ ГОЛОС МОЙ»

Как радостную дату и значительнейшее событие своей жизни отметила Ахматова в автобиографических заметках день возвращения сына — 15 мая 1956 года¹.

Десятки тысяч сыновей и отцов возвращались домой в те весенние дни. Миллионы не вернулись.

Всем им в веках будут звучать слова материнской скорби, произнесенные одной из тех, кто стояли в бесконечных тюремных очередях. Навечно в историю мировой литературы войдет «Реквием» великого русского поэта Анны Ахматовой. Обвинением, не знающим «срока давности», будут звучать в нашей памяти и ее стихи:

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не надругалась
Над горькой гибелью друзей,
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

О том, как постепенно возвращалось к Ахматовой официальное признание (читательская любовь не покидала ее никогда), рассказывают некоторые ее автобиографические наброски и стихотворные строки:

Вот она, плодородная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,

А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

Ахматову выбирают делегатом на писательские съезды, проходившие в Москве в середине и в конце пятидесятих годов, а в шестидесятых ей вручается международная премия «Этна Таормина» в Италии и пурпурно-серая мантия доктора литературы Оксфордского университета в Англии.

Весной 1965 года, после получения ею международной премии (об этом много писала мировая пресса, а сама церемония вручения премии транслировалась по телевидению не только Италии, но и ряда европейских стран) с просьбой об интервью обратился к Анне Андреевне и советский журнал «Вопросы литературы». Она говорила на этот раз не только о своих планах, но и о современной литературе, о таких, по ее мнению, не оцененных поэтах, как Мария Петровых, Арсений Тарковский, Вадим Шефнер, Давид Самойлов, Семен Липкин... Среди молодых поэтов она выделяла Владимира Корнилова, Наума Коржавина, Александра Кушнера, Анатолия Наймана...

В опубликованном тексте интервью отсутствовало имя Иосифа Бродского, которого она, несомненно, называла журналисту, ибо считала его талантливейшим поэтом. Очень близко к сердцу она принимала все перипетии позорного судебного процесса, затеянного против него литературными и партийными функционерами тех лет, и, как могла, старалась облегчить судьбу поэта, высланного якобы «за тунеядство» из Ленинграда в Архангельскую область. Стихотворную строчку Бродского «Вы напишете о нас паискосок» она поставила эпиграфом к одному из своих стихотворений, раздумья о нем и его друзьях, несомненно, отразились и в одном из ее афористических четверостиший:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне па земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

Радость от международных торжеств и от все чаще появляющихся положительных рецензий на новые публикации все же была несколько омрачена для Ахматовой тем, что многие ее стихи так не смогли пробиться к читателям.

Внимательно перелистав сборник своих стихов, вышедший в 1961 году, она с горечью писала Лидии Чуковской

о том, что ее творчество представлено в нем настолько полно, что эта книга создает о ней превратное представление, и поэтому ее не примет молодежь, а именно молодежь, утверждала Ахматова, «ведает поэзией».

Конечно, она была неправа. Молодежь книгу приняла. Правда, может быть, не так восторженно, как встречали когда-то первые ахматовские сборники ее сверстники.

Ее негромкий голос в период бурного развития эстрадной поэзии начала шестидесятых годов был услышан не сразу и не всеми; более чем скромный по тем временам пятидесятитысячный тираж ее сборника далеко отставал от тиражей книг некоторых других поэтов, но все же многие классические стихи Ахматовой вернулись в современную литературную жизнь, привлекли к себе внимание и любовь новых читательских поколений и получили признание официальной критики.

...В тот единственный раз, когда мне посчастливилось видеть Анну Ахматову и разговаривать с ней (это было в мае 1965 года в Комарово), на ее письменном столе лежала машинопись только что сданного в печать сборника «Бег времени».

Она посоветовала на то, что в него не вошли многие стихи, в частности, из цикла «Реквием», которые у нас, как сказала она, «пока не проходят». Показала его западногерманское издание, на котором было обозначено, что книга печатается «без ведома автора», показала множество фотографий церемонии вручения ей итальянской премии и даже подарила мне две из них. Говорила о предстоящей поездке в Англию. Но, как мне показалось, с наибольшим удовлетворением рассказывала о тех читательских письмах, которые стала получать в последние годы все чаще, особенно после того, как ее стихи стали широко печатать в журналах и иногда даже передавать по радио. Разговор об этом зашел потому, что я просил ее начитать на мой магнитофон пока еще не опубликованные стихи, с тем чтобы они могли прозвучать по радио в ее собственном чтении. Некоторые из этих записей действительно прозвучали довольно скоро, другие (из «Реквиема») вышли в эфир лишь в 1987 году.

Читательские письма, которые тогда показала мне Ахматова, были совсем безыскусны, подчас даже не очень грамотны, но это нисколько не снижало для нее их ценности:

они — свидетельство того, что ее поэзия проникает во все более широкие читательские круги, задевает подчас и еще не совсем проснувшиеся души. Одно из писем мне особенно запомнилось и бесхитростностью тона и своим внешним видом (там была какая-то «курортная» картинка). Много лет спустя, работая над архивом Ахматовой, я по этой картинке легко нашел то письмо и теперь прочитал его более внимательно:

«12 апреля 1965 г.

Сердечный привет из Архангельска!

Здравствуйте, уважаемая русская советская поэтесса Анна Андреевна Ахматова.

Мы — это группа молодежи, лесопильщики и моряки Архангельских лесозаводов и пароходов — познакомились с вами на литературном вечере по радио. Вы читали, проникновенно декламировали. Мы слушали с любовью, с наслаждением. Хорошие стихи, как вино, немного опьяняют.

Стихи, цветы и музыка неотъемлемые вещи, потребность их ощущаешь.

Мне коллектив поручил передать Беломорскую Вам благодарность за стихи «Муза».

Желаем Вам новых успехов, здоровья и счастья.

Талашев Александр Андреевич, бывший танкист.

По всей видимости, это был отклик на выступление Ахматовой в радиопередаче «Литературные вечера».

Относясь подчас весьма иронично к своим поклонникам и поклонницам, особенно к тем, которые «обожали» такие ее стихи, как «Сероглазый король», и не хотели замечать, как далеко от подобных стихов ушла «поздняя Ахматова», она очень внимательно прислушивалась к мнению читателей более внимательных, думала об их отзывах и письмах, была им искренне признательна и глубоко их уважала.

Лидия Чуковская рассказывает, например, о том, как была тронута Ахматова малограмотным и наивным письмом читателя, который впервые открыл для себя ее поэзию, прочитав в журнале «Москва» стихотворение «Мартовская элегия». «Меня поразила раненая простота», — так он выразил свое восхищение этим стихотворением. Необычное, свежее определение! Конечно, удивительна сила, выразительность и смелость ахматовских строк, вызвавших такой от-

клик, строк, созданных поэтессой, перешагнувшей уже свое семидесятилетие, но сохранившей молодой, жадный, зоркий глаз:

Набок сбившийся куполок,
Грай вороний и вопль паровоза,
И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...

Ахматова воспринимала своих читателей не как безликую массу, но как тысячи индивидуальностей, как живых конкретных людей, которым, по ее выражению, «настежь распахнута» душа поэта:

А каждый читатель, как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас,
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то таинственный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад.
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший вной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

Это стихотворение, написанное летом 1959 года, вошло в цикл «Тайны ремесла», посвященный секретам поэтического творчества и таким ее давним друзьям по Цеху поэтов, как поэты Владимир Нарбут и Осип Мандельштам, Анна Ахматова была другом внимательным и верным.

ПРОПУСК В БЕССМЕРТИЕ

Среди стихов Ахматовой последних лет немало таких, которые посвящены близким друзьям или тем, кого она особенно уважала и чттила. Здесь и стихотворные портреты молодого Маяковского, Пастернака, красавицы Саломеи Андрониковой, балерины Тамары Карсавиной, знаки признательности и уважения Д. Шостаковичу, М. Лозинскому, Е. Булгаковой, выражение сочувствия и сострадания М. Цветаевой, Б. Пильняку, торжественные и скорбные поминальные речи Михаилу Булгакову и Михаилу Зощенко, несколько строк или просто упоминание, которое давало «пропуск в бессмертие» таким давно забытым современниками и потомками поэтам, как, например, Всеволод Князев. Одно время Ахматова даже собиралась объединить некоторые стихотворения в книгу «Венок мертвым». По другим архивным наброскам видно, что отдельные стихи группировались ею в цикл «Милые тени».

Особенно часто в ее поэзии и прозе возникает образ Осипа Мандельштама, человека и поэта, которого она долгие годы любила нежно и преданно, чими стихами всегда восхищалась, с мнением которого очень считалась.

Один из немногих критических отзывов, действительно ее задевших, принадлежал именно Мандельштаму: когда-то в молодости он упрекнул ее поэзию в чрезмерной замкнутости. Тем более радостно было для Ахматовой уже на склоне лет узнать от вдовы поэта о сохранившейся в ее архиве статье, в которой Мандельштам пишет, что поэзия Ахматовой близится к тому, чтобы стать «символом величия России».

«Листки из дневника», относящиеся к Мандельштаму, являють нам лучшие образцы ахматовской мемуарной прозы:

«Я познакомилась с Осипом Мандельштамом на башне Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был художат-

вым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки...

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен...

О стихах говорил ослепительно пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например, к Блоку. О Пастернаке говорил: «Я так много думал о нем, что даже устал»...

Иногда, желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван и хохотали так до обморочного состояния...

Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огромным событием, и слово народ не случайно фигурирует в его стихах... Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню...

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что может дать людям материал для превратного толкования наших отношений...»

Таковыми отдельными, но уверенными штрихами воссоздает Ахматова четко увиденные и запомненные сцены из десятых, двадцатых, тридцатых годов.

В ее жизни было так много удивительных совпадений, что она им уже не удивлялась. Одно из них произошло 13 мая 1934 года: в тот самый день, когда Ахматова приехала в Москву в гости к Мандельштамам (она была очень дружна и с его женой Надей), его арестовали.

«...Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной, у Кирсанова, играла гавайская гитара. Следователь при мне нашёл «Волка» и показал Осипу Эмильевичу. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в 7 утра. Было совсем светло...

Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Известия» к Бухарину, я в Кремль к Енукидзе...»

В феврале 1936 года Ахматова ездила в место «второй ссылки» Мандельштама, в Воронеж. Вернувшись, написала об этом:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

Последний раз Мандельштама арестовали 2 мая 1938 года.

«В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца. О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

«В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы: «У подружки Лены родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», — писала она...»

...Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.
Это ключики от квартир,
О которой теперь ни гу-гу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу, —

так в очередной раз поминала Ахматова своего друга в 1957 году.

Несколько особняком стоят в ее последних книгах стихи, посвященные еще одному близкому человеку, далекому другу, имя которого она нигде никогда не называла. На это была особая причина: адресат этих стихов, когда они познакомились в 1945 году, работал в английском посольстве. Такого рода дружба в те давние годы считалась более чем предосудительной для почти любого гражданина нашей страны, а уж для женщины, муж которой расстрелян как участник контрреволюционного заговора, а сын дважды арестован.

стовывался, подобное знакомство было не просто рискованно, но самоубийственно. Ахматова прекрасно это осознала:
Имя твое мне сейчас произнести
Смерти подобно...

Хорошо понимал это и ее друг. Поэтому только в 1982 году, через тридцать семь лет после их встречи и через шестнадцать лет после смерти поэтессы, Исая Берлин, ныне известнейший английский ученый, философ, литературовед, профессор Оксфордского университета, опубликовал в книге воспоминаний о пребывании в Советском Союзе ряд эпизодов, дающих материал для реального комментария истории создания некоторых стихотворных шедевров Ахматовой¹.

Необычность ситуации их знакомства, помноженная на необыкновенно яркую индивидуальность этих людей, привела к результатам, которым трудно найти параллели в истории мировой литературы: каждый из них посвятил друг другу фактически по книге, количество страниц в которых почти равно между собой и вдвое превышает то количество часов, которое они провели друг с другом: примерно тридцать стихотворений, примерно сорок страниц прозы и всего лишь около двадцати часов беседы и молчания. О том, насколько случайна была эта встреча, говорит хотя бы то, что еще за несколько часов до нее Исая Берлин не только не знал адреса Ахматовой, но и не был уверен в том, что она жива, ибо один из его знакомых, переведший некоторые ее стихи на английский язык, говорил, что не слышал ничего об Ахматовой со времен первой мировой войны. Недаром Исая Берлин воспринял их встречу как чудо, как если бы (как он пишет) его пригласила Кристина Россетти — английская поэтесса XIX века. От Исая Берлина Анна Ахматова смогла узнать о таких своих старых друзьях, как композитор Артур Лурье, художник Борис Анреп, Саломея Андроникова, воспетая Мандельштамом...

Но дело не только в общих знакомых: эта встреча была нужна обоим, так как близость взглядов, взаимное понимание, родившееся при первом же знакомстве, чувство абсолютного доверия позволили им настолько полно раскрыть себя друг другу, что этот вечер стал для каждого из них знаменательнейшим событием жизни.

Исая Берлин подробно пишет о том, как Ахматова рас-

сказывала ему о своей юности, потом читала «Поэму без героя», потом «Реквием»... Когда он задал вопрос о Мандельштаме, ее глаза наполнились слезами и она попросила не говорить о нем... Вспоминала о Блоке, восторженно отзывалась о Пастернаке. Чувствуется, что в своих воспоминаниях Берлин стремится быть как можно более точным и, понимая значительность описываемого, важность каждого ахматовского слова, старается не упустить ни одной детали: «Было около трех утра. Она не высказывала никакого знака, что мне пора уходить. Я был слишком взволнован и поглощен, чтобы самому начать шевелиться. Открылась дверь, и вошел ее сын Лев Гумилев (ныне профессор истории в Ленинграде), очевидно было, что он относится к матери и она к нему с глубокой нежностью. Он рассказал, что был учеником знаменитого ленинградского историка Евгения Тарле, а сейчас по тем его исследований были история древних племен Центральной Азии (он не упомянул о том, что прежде был в тех местах в концлагере)... Ему разрешено было присоединиться к зенитному подразделению, набранному из заключенных, и он только что вернулся из Германии. Он... предложил мне блюдо вареной картошки, все, чем они располагали. Ахматова извинилась за нищету своего гостеприимства. Я взмолился, чтобы она дала мне записать «Поэму без героя» и «Реквием». «Нет нужды, — ответила она, — сборник моих стихов должен выйти в феврале, уже была корректура; я пришлю Вам в Оксфорд экземпляр»...

Ночь тянулась медленно. Ахматова становилась более и более оживленной. Она начала спрашивать меня о моей личной жизни. Я отвечал открыто и свободно, как если бы у нее было абсолютное право знать об этом, она же платила мне изумительным описанием своего черноморского детства, браков с Гумилевым, Шилейко и Пуниным, взаимоотношений с приятелями в молодые годы, Петербурга накануне первой мировой войны...

Она заговорила о своем одиночестве и изоляции, и личной, и культурной. Послевоенный Ленинград был для нее только огромным кладбищем, огромной могилой ее друзей. Это было как пепелище после лесного пожара: несколько обугленных деревьев делали опустошение лишь еще более опустошенным...

Я повидался с ней еще раз, когда уезжал из Советского

Союза домой. (Позже, уже в 1989 году, Исайя Берлин рассказал в одном из телеинтервью, что он для этого специально выбрал несколько необычный маршрут и ехал в Лондон через Ленинград и Хельсинки. — Авт.). Я зашел попрощаться днем 5 января 1946 года, и она подарила мне один из сборников своих стихов, с новым стихотворением, переписанным на форзаце, стихотворением, ставшим позднее вторым в цикле, названном «Сinque». Я понял, что стихи, в этом, первом их варианте, были вдохновлены непосредственно той нашей встречей. Есть и еще ссылки и намеки на наши встречи в «Сinque» и других местах.

Недавно сэр Исайя Берлин прислал в Литературный музей ксерокопию титульного листа, на котором рукой Ахматовой написано следующее стихотворение:

Истлевают звуки в эфире
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог
Сквозь почти колокольный звон
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945 года.

Много лет спустя Исайя Берлин узнает, что той же датой помечено и еще одно стихотворение, звучащее куда более лично:

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!

Следующий раз Исайя Берлин приехал в нашу страну только в 1956 году. Вероятно, этому приезду посвящено одно из четверостиший Ахматовой, найденное в ее бумагах уже после ее смерти. Его можно рассматривать и как начало незавершенного стихотворения и как вполне завершенную миниатюру, к жанру которой Ахматова все чаще обращалась в последние годы:

Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой!
О, как ты рано возвратился.
Я вовсе не ждала — ты так со мной простился
Какой-то странной и чужой зимой.

В этот приезд И. Берлин не мог встретиться с Ахматовой. Он объясняет: «Пастернак сказал, что хотя Ахматова и хочет меня видеть, но ее сын, который был вновь арестован вскоре после нашей встречи, только недавно вышел из заключения, и свидания с иностранцами были ей сейчас не к стати... Но она хотела бы, чтобы я позвонил ей по телефону... В тот же день я позвонил ей... Она поведала мне кое-что о своем опыте осужденного поэта; о том, как некоторые, кого она считала верными друзьями, отвернулись от нее, о благородстве и смелости других. Она перечитала Чехова, которого однажды так строго осудила, и сказала, что по крайней мере в «Палате № 6» положение ее и многих других он описывает точно».

Они увиделись летом 1965 года в Оксфорде, где Ахматовой вручали почетное звание доктора литературы и где в торжественной речи, произнесенной по традиции на латыни, ее стихи ставились вровень со стихами древнегреческой поэтессы Сафо...

«И ГОЛОС ВЕЧНОСТИ ЗОВЕТ»

О месте творчества Ахматовой в истории мировой литературы пока еще говорить довольно трудно: даже в европейских странах ее стихи известны сравнительно мало, большинство переводов далеки от совершенства и ее путь к зарубежному читателю только еще начинается. Но уже то, что столетие со дня ее рождения было отмечено рядом научных конференций в Италии, Англии и США, свидетельствует о все более серьезном внимании к ее творчеству со стороны мирового культурного сообщества.

Анна Ахматова блестяще завершила один из содержательнейших периодов нашей поэзии, который уже принято называть «серебряным веком», и открыла новую, значительнейшую главу современной литературы.

Трепетно любя поэзию Пушкина и являясь одной из законнейших его наследниц в нашей поэзии, почитая таких

гигантов мировой литературы, как Данте и Шекспир (которых она читала в подлинниках), Ахматова была не только достойной ученицей своих великих предшественников, но и смелым поватором, открывшим множество выразительных средств. Она внесла в мировую поэзию свои слова и интонации.

«...Когда ее возраст пересек семидесятилетнюю черту, когда ее черная челка, спускавшаяся на прямые строгие брови, освеженная зеленовато-серым светом удлинненных глаз, побелела и откинулась на затылок, обнажив прекрасный высокий лоб, когда ее походка стала подчеркнуто степной, к ней пришла слава, уже основательно верная...» — так пишет об Ахматовой Михаил Дудин в предисловии к ее последнему двухтомному собранию сочинений. Собранные в нем ее стихи, проза, переводы, опубликованная вслед за этим поэма «Реквием» показывают, что, при всей популярности ее творчества среди читателей прошлых лет, его подлинные масштабы только начинают вырисовываться.

Тема высокого предназначения и трагичности судьбы художника, столь важная для Ахматовой, возникла и в ее последнем публичном выступлении на юбилейном вечере Данте в Большом театре поздней осенью 1965 года.

«Все мои мысли об искусстве я соединила в стихах, освященных тем же великим именем», — сказала тогда Ахматова и закончила выступление чтением стихотворения 1936 года «Данте», в котором говорится, конечно же, не только о судьбе великого флорентийца:

Он и после смерти не верпулся

В старую Флоренцию свою.

Этот, уходя, не оглянулся,

Этому я эту песнь пою.

Факел, ночь, последнее объятье,

За порогом дикий вопль судьбы.

Он из ада ей послал проклятье

И в раю не мог ее забыть, —

Но босой, в рубахе покаянной,

Со свечой зажженной не прошел

По своей Флоренции желанной,

Вероломной, низкой, долгожданной..

Особенно примечательным мне кажется теперь и то, что в кратком слове, произнесенном в столь торжественной об-

становке, Ахматова сочла необходимым сказать о тех своих друзьях и современниках, для которых Данте всегда был «величайшим учителем», — о Гумилеве и Мандельштаме. А ведь тогда ее оценки этих поэтов были еще далеко не общепризнанными. Желание воздать должное своим друзьям, замечательным художникам, еще раз утвердить свое понимание высокого назначения поэта в мире подвигло Ахматову на произнесение этой речи.

Весьма существенны для ее творчества, хотя и немногочисленны в ее книгах, библейские и евангельские стихи, такие, как «Рахиль», «Лотова жена», «Мелхола», «Прочитание», «Молитва». Христианскими чувствами пронизаны и некоторые ее лирические стихи о любви, изменах, встречах и разлуках. Отмечая своеобразие религиозности Анны Ахматовой, авторитетный современный богослов Александр Шмеман подчеркивает, что «вера для нее — не «тема» и не «проблема», не что-то внешнее, о чем можно страдать, соглашаться, не соглашаться, раздумывать, мучиться. Это... что-то очень простое, ее почти «бабья вера», которая всегда живет, всегда присутствует, но никогда не «отчуждается» в какую-то внешнюю проблему. Ни пафоса, ни громких слов, ни торжественных славословий, ни метафорических мучений. Эта вера светит изнутри и изнутри не столько указывает, сколько погружает все в какой-то таинственный смысл». Эти высказывания Шмемана приводит в своей книге «Рассказы о Анне Ахматовой» А. Найман.

Важно учитывать это своеобразие мировоззрения Анны Ахматовой при внимательном чтении таких значительных произведений, как скорбный и торжественный «Реквием», который содержит несколько чисто религиозных стихотворений. Вспомним:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Не только это стихотворение, но и вся поэма проникнута христианской верой, которая помогает вынести эти страдания, сохранить свой дух и человеческое достоинство.

Умерла Анна Ахматова после четвертого инфаркта 5 марта 1966 года в подмосковном санатории, окруженная любовью и участием близких ей людей.

После торжественного отпевания в Никольском соборе в Ленинграде ее похоронили на скромном кладбище ее любимого Комарова, совсем недалеко от залива.

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царкосельского пруда.

Так мысленно возвращалась она не раз в сады и парки своей юности — в Царское Село, которое теперь в сознании читателей все чаще связывается не только с «веселым именем Пушкина», но и с именем одной из его наследниц — Анны Ахматовой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Начало пути

¹ Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. — М., 1986.

² Анна Ахматова. Стихи и письма. Публикации Э. Гернштейн.— В сб.: В мире отечественной классики. — Вып. 2, — М., 1987.— С. 427.

Учителя и современники

¹ Жирмунский В. Творчество Анны Ахматовой. — Л., 1973. — С. 27—28.

² Чуковский К. Анна Ахматова // Современники. — Минск, 1985. — С. 299, 313.

Поэт и Россия

¹ Рейснер Л. Избранное. — М., 1965. — С. 519.

Двенадцать лет на диване

¹ Цит. по кн.: Лукницкая В. Из двух тысяч встреч. — М., 1987. — С. 35.

² Гернштейн Э. Послесловие // Ахматова А. О Пушкине. — Л., 1977. — С. 316.

³ Пунин Н. Письмо к Анне Ахматовой от 14 апреля 1942 г. // Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. — М., 1989. — С. 233.

Годы террора

¹ После окончания срока заключения Л. Н. Гумилев некоторое время работал в геологической партии, потом был на фронте, участвовал во взятии Берлина и, демобилизовавшись, вернулся в Ленинград в конце 1945 года.

Сороковые, роковые

¹ Жирмунский В. Творчество Анны Ахматовой. — Л., 1973. — С. 143—144.

² Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. — М., 1989. — С. 139.

«На позорном помосте беды»

¹ Акума — домашнее прозвище Ахматовой. Внучкой она называла Анио Каминскую, свою воспитанницу, внучку Н. Н. Пунина.

² Это слово, к счастью, уже наполовину забытое, означает высланных «за сто пятый километр».

³ Письмо это пока не разыскано, упоминаю о нем, опираясь на свидетельство Вл. Корнилова.

«И все-таки услышат голос мой»

¹ В этот же день услышала Ахматова о самоубийстве Фадеева.

«Пропуск в бессмертие»

¹ Это прежде всего стихотворения, составившие циклы «Шилловник пветет», «Сinque» и строфы, относящиеся к «Гостю из будущего» в «Поэме без героя».

Большие фрагменты из воспоминаний И. Берлина приведены в книге А. Наймана «Рассказы о Анне Ахматовой». — М., 1989. — С. 267—292.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А. Библиография // Русские советские поэты. — Т. 2. — М., 1978. — С. 118—195.
- Алигер М. И. В последний раз // Тропинка во ржи. — М., 1980. — С. 331—398.
- Виленкин В. Я. В сто первом зеркале (Об А. Ахматовой). — М., 1978. — 316 с.
- Гинзбург Л. Я. Ахматова // Литература в поисках реальности. — Л., 1987. — С. 124—129.
- Добин Е. С. Поэзия Анны Ахматовой. — Л., 1968.
- Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. — Л., 1973.
- Ильина Н. И. Анна Ахматова, какой я ее видела // Дороги и судьбы. — М., 1985. — С. 273—319.
- Лукницкая В. К. Из двух тысяч встреч // Перед тобой земля. — Л., 1988. — С. 283—382.
- Максимов Д. Е. Об Анне Ахматовой // Русские поэты начала века. — Л., 1986. — С. 377—403.
- Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. — М., 1989.
- Озеров Л. А. Бег времени // Необходимость прекрасного. — М., 1983. — С. 234—266.
- Павловский А. И. Анна Ахматова. Очерк творчества. — Л., 1982. — 174 с.
- Урбан А. А. Зовем эту землю своею. Анна Ахматова // В настоящем времени. — Л., 1984. — С. 325—366.
- Хренков Д. Т. Об Анне Ахматовой // День за днем. Лирический дневник критика. — Л., 1984. — С. 43—71.
- Чуковский К. И. Читая Ахматову: (На полях ее «Поэмы без героя») // Литература и современность. — М., 1965. — С. 236—244.
- Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. — Т. 1. — М., 1989.
- Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // О поэзии. — Л., 1969. — С. 75—147.

СТИХИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле,
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912

Ты письмо мое, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я —

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

Сердце бьется ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

Сколько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети.

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

1913

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

1914

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,

За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1920.

Хорошо здесь: и шелест и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1933.

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

1942

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

1944

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

1943

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, богом в самом деле,
Кто был убит — и чье орудье пытки
Согрего теплотой моей груди...

Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, —
Их вышили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.

1945

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРЕПКИ»

I

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды,
Как под тронным стою балдахинном...

IV

Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.
Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть,
И мне в сумасшедшей палате
Валяться — великая честь.

V

Вы меня, как убитого зверя,
 На кровавый подымете крюк,
 Чтоб, хихикая и не веря,
 Иноземцы бродили вокруг
 И писали в почтенных газетах,
 Что мой дар несравненный угас,
 Что была я поэтом в поэтах,
 Но мой пробил тринадцатый час.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.
 Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
 Из-под какого я кричу обвала!
 Я снова все на свете раздарю,
 И этого еще мне будет мало.

Я притворилась смертною зимой
 И вечные навек закрыла двери,
 И все-таки узнают голос мой,
 И все-таки ему опять поверят.

1959

Если б все, кто помощи душевной
 У меня просил на этом свете, —
 Все юродивые и немые,
 Брошенные жены и калеки,
 Каторжники и самоубийцы, —
 Мне прислали по одной копейке,
 Стала б я «богаче всех в Египте»,
 Как говаривал Кузмин покойный...
 Но они не слали мне копейки,
 А со мной своей делились силой,
 И я стала всех сильнее на свете,
 Так, что даже это мне не трудно.

1961

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем,
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь па калошах,

Да, для нас это хруст па зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и стаповимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своєю.

1961

СОДЕРЖАНИЕ

Начало пути	4
Учителя и современники	9
Поэт и Россия	15
Двенадцать лет на диване	21
Годы террора	24
Сороковые, роковые	30
«На позорном помосте беды»	34
«И все-таки услышат голос мой»	38
Пропуск в бессмертие	43
«И голос вечности зовет»	49
Примечания	53
Литература	55
Стихи Анны Ахматовой	56

На 2-й странице обложки — портрет А. Ахматовой работы К. С. Петрова-Водкина. 1921 г.

На 3-й странице обложки — автограф А. Ахматовой.

На 3-й странице текста рисунок А. Модельяни. 1911 г.

Научно-популярное издание

Лев Алексеевич ШИЛОВ

АННА АХМАТОВА

(100 лет со дня рождения)

Гл. отраслевой редактор В. П. Демьянов

Редактор Н. М. Краснопольская

Мл. редактор О. А. Васильева

Худ. редактор М. А. Гусева

Техн. редактор А. М. Красавина

Корректор Л. С. Соколова

ИБ №

Сдано в набор 24.07.89. Подписано к печати 13.09.89. Формат бумаги 70×108¹/₂. Бумага тип. № 1.2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80+0,35 вкл. Усл. кр.-отт. 3,33. Уч.-изд. л. 3,21. Тираж 64 850 экз. Заказ 1429. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 897010. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Пушкин.

Кто знает, то такое слава.
Какой ценой купил он право
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить. Тошнотвенно долгие
И погу похмельный называть.

1948

Не недели, не месяцы — года
Расшивались и вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над восковым веком.
Больше нет ни измен, ни предательств
И до света не анулишь ты
Как струится поток доказательств
Несравненной: моей правоты.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку. Подписка на брошюры издательства „Знание“ ежеквартальная, принимается в любом отделении „Союзпечати“.

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в „Каталоге советских газет и журналов“ в разделе „Центральные журналы“, рубрика „Брошюры издательства „Знание““.

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ